Россійская Соціалдемократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ ОДЕССѢ.

(1894—1896 гг.)

Изъ воспоминаній одессита.

Изданіе Союза Русскихъ Соціалдемократовъ.

Цѣна 10 коп.

ЖЕНЕВА.
Типографія Союза: Genève, route de la Cluse, 7.
1903.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Печатаемыя нами воспоминанія представляютъ особенный интересъ въ настоящее время. Русская революціонная мысль всегда страдала слабой преемственной связью. Если не безъ основанія упрекали нашихъ с.-демократовъ 90-хъ гг. въ недостаточномъ знакомствѣ съ революціоннымъ движеніемъ 70-хъ и 80-хъ гг., то еще болѣе основательно можно упрекнуть нашихъ молодыхъ товарищей въ недостаточномъ знакомствѣ съ исторіей нашего собственнаго с.-демократическаго движенія. На періодъ 90-хъ гг. въ настоящее время принято смотрѣть исключительно подъ знакомъ критики: это былъ періодъ разброда, кустарничества, принципіальной неустойчивости, трэдъ-юніонизма и т. д. То, что вытекало изъ трудностей первыхъ шаговъ движенія, приписывается его упадку, его заблужденіямъ. Использовавши готовые разультаты десятилѣтней работы своихъ предшественниковъ, проглядывали всю ту работу теоретической мысли въ массѣ соц.-демократовъ, всю работу накопленія практическаго опыта, ту кристаллизацію въ организаціонномъ хаосѣ и программной разноголосицѣ, которыя создали фундаментъ окончательно складывающейся теперь партіи. Многіе не видятъ даже того огромной важности факта:, что наше рабочее движеніе сдѣлалось соціалдемократическимъ, наша соціалдемократическая партія стала рабочей.

Въ предисловіи къ новому изданію Туна Г. Плехановъ справедливо указываетъ на ту громадную роль, какую имѣютъ для оцѣнки и пониманія революціоннаго движенія воспоминанія его участниковъ, самихъ переживавшихъ тотъ или иной его періодъ. Съ этой точки зрѣнія интересны и одесскія воспоминанія. Они показываютъ, чѣмъ жила въ то время русская соціалдемократія, надъ какими вопросами работала ея мысль, какъ—и почему такъ, а не иначе—искала она путей для расширенія своей практической дѣятельности. Интересъ воспоминаній увеличивается благодаря тому, что они касаются самаго важнаго момента въ исторіи русской соціалдемократіи — перехода отъ кружковщины къ широкой работѣ въ массахъ.

Надо, впрочемъ, оговориться. Мѣстами воспоминанія носятъ слишкомъ субъективный и потому односторонній характеръ. Возьмемъ, напримѣръ, вопросъ объ отношеніи рабочаго движенія къ абсолютизму. Дѣйствительно, пониманіе тогдашними соціалдемократами этого отношенія и вытекающихъ изъ него задачъ остав-

ляетъ желать очень и очень многаго. Но тѣмъ не мнѣе, оно во всякомъ случаѣ представляло шагъ впередъ сравнительно съ предшествовавшей постановкой того же вопроса народовольцами, подчеркивая классовый характеръ правительственной власти и выводя отсюда необходимость классовой борьбы противъ нея. Это во-первыхъ. А затѣмъ ошибочно полагаетъ авторъ, что въ основѣ тогдашняго пониманія лежало „чувство примиренія“ съ абсолютизмомъ: вѣрнѣе объяснять его вполнѣ понятнымъ для молодого движенія недостаткомъ теоретическихъ знаній и практическаго опыта у соціалдемократовъ: тогда не шли дальше противоставленія рабочаго класса всѣмъ остальнымъ общественнымъ классамъ и силамъ, видя въ нихъ одну сплошную „реакціонную массу“, т. е. дѣлали ту же ошибку, которой нѣкогда грѣшили и лассальянцы и слѣды которой можно найти еще въ готской программѣ *).

Еще примѣръ. Авторъ слишкомъ узко объясняетъ причины выдвиганія „экономики“. Вызвано это было не столько „боязнью политики“, сколько тѣмъ, что соціалдемократія отчасти безсознательно, а отчасти и сознательно слѣдовала завѣтамъ Маркса — исходить въ своей дѣятельности отъ существующихъ въ данный моментъ формъ классовой борьбы пролетаріата. **) Указывая нѣкоторые субъективные моменты узости соціалдемократической работы въ то время, авторъ ни словомъ не обмолвился о тѣхъ объективныхъ условіяхъ, могучимъ вліяніемъ которыхъ опредѣлялся ея характеръ и направленіе; мы имѣемъ ввиду промышленный расцвѣтъ и необычный подъемъ стачечнаго движенія съ одной стороны и полное затишье политической жизни въ не-рабочихъ слояхъ населенія (исключая, да и то только отчасти, интеллигенцію), которыхъ не могли раскачать ни голодовки начала 90-хъ, ни стачки 96-97 годовъ. Замѣтимъ еще, что игнорированіе „политики“ отнюдь не было такимъ безусловнымъ, какъ изображаетъ авторъ: приводимая имъ же самимъ прокламація „забытаго кружка“ противорѣчитъ его собственнымъ утвержденіямъ.

Говоря вообще, воспоминанія, не давая исчерпывающей характеристики описываемаго періода, даютъ для нея много интереснаго матеріала. Особенно цѣннымъ для настоящаго момента

*) Освобожденіе труда есть дѣло рабочаго класса, по отношенію къ которому всѣ остальные классы представляютъ только одну реакціонную массу.

**) Лассаль, говоритъ Мерингъ въ Ист. нѣм. соц.-дем. (II,26), не думалъ предписывать нѣм. раб. движенію развитіе по доктринерскому рецепту, но. совершенно въ духѣ Маркса, принялъ за реальный базисъ своей агитаціи дѣйствительное классовое движеніе, поскольку оно существовало тогда въ Германіи.

является указаніе на ту важную роль, которую играла, играетъ и долго еще будетъ играть агитація на почвѣ непосредственныхъ нуждъ рабочаго класса въ дѣлѣ развитія классового сознанія и классовой организованности.

Сказаннымъ не исчерпывается еще содержаніе воспоминаній. Они не только передаютъ субъективное настроеніе автора и его товарищей, совпадающее въ извѣстной мѣрѣ съ общимъ настроеніемъ соц.-демократовъ той эпохи, они даютъ, кромѣ того, рядъ объективныхъ фактовъ изъ исторіи рабочаго движенія. Такъ, весьма интересны приводимыя свѣдѣнія о зачаткахъ легализаторскаго движенія, которымъ такъ ловко и дерзки-смѣло воспользовался позже Зубатовъ, и объ отношеніи къ нему въ то время движенія соціалдемократовъ и полиціи; о развитіи формъ профессіональнаго движенія (напр., борьба противъ посредниковъ путемъ организаціи рабочихъ въ артели); объ умственныхъ интересахъ рабочихъ; объ ихъ отношеніяхъ къ деревнѣ и т. д.

Для будущаго историка русскаго рабочаго движенія приводимые авторомъ факты будутъ далеко не безполезны.

СОЦІАЛДЕМОКРАТИЧЕСКІЕ КРУЖКИ

(1894—1896 гг.)

Изъ воспоминаній одессита.

Чисто „пропагандистскій“ характеръ дѣятельности среди рабочихъ вызывалъ еще въ 1894 году недовольство, хотя и смутное, небольшой группы интеллигентовъ-соціалдемократовъ. Рядомъ съ упрекомъ, хотя и неясно формулированнымъ, въ отвлеченіи сознательныхъ рабочихъ отъ массы, раздавалось и обвиненіе въ неконспиративномъ веденіи дѣла пропагандистами.

Обыкновенный методъ пропаганды среди рабочихъ въ 1893-94 годахъ заключался въ слѣдующемъ. Интеллигентъ, заведя сношенія съ рабочими, продолжалъ вращаться въ своей интеллигентной средѣ, среди занимающейся „саморазвитіемъ“ учащейся молодежи, и даже часто продолжалъ руководить „кружками саморазвитія“. Обыкновенно по вечерамъ, запасшись „Капиталомъ“ или какой-либо нелегальной брошюрой, посвященной изложенію общихъ основъ соціализма, онъ отправлялся на собраніе рабочихъ, читалъ принесенную съ собою книжку, по возможности популяризируя ея изложеніе, назначалъ новое собраніе и тамъ читалъ какую-либо иную брошюру общаго соціалистическаго содержанія, и такъ продолжалъ до провала, который сплошь и рядомъ наступалъ максимумъ черезъ годъ послѣ начала чтеній. Бѣда приходила большею частью съ двухъ сторонъ.

Раньше всего начинали слѣдить за интеллигентнымъ кружкомъ саморазвитія, внушавшимъ подозрѣніе своимъ частымъ посѣщеніемъ публичныхъ библіотекъ и читаленъ (надо замѣтить, что у насъ въ Одессѣ въ публичной библіотекѣ и читальняхъ спеціально сидятъ шпіоны) и вообще не считавшимъ нужнымъ держаться конспиративно. Достаточно было шпіонамъ одинъ разъ выслѣдить посѣщеніе дѣйствующимъ интеллигентомъ, продолжавшимъ, какъ мы уже сказали, поддерживать живыя сношенія съ кружкомъ саморазвитія, рабочей мѣстности, чтобы организовать за нимъ правильную охоту и выслѣдить рабочія собранія. Интеллигентъ, замѣтивъ, что за нимъ слѣдятъ, не бросалъ работы, а продолжалъ ходить на чтенія, пользуясь лишь извозчиками да сквозными воротами, какъ средствами уйти отъ шпіона. На основаніи собственнаго опыта мы утверждаемъ, что, можетъ быть, только въ одномъ случаѣ изъ десяти удавалось уйти такимъ образомъ отъ шпіона. Жандармы, узнавъ о манипуляціяхъ интеллигента съ извозчиками, конками и т. п., назначаютъ 3, 4, 5 переодѣтыхъ жандармовъ для выслѣживанія, и отъ нихъ ужъ не такъ легко уйдешь. По нашему мнѣнію, для революціонера, замѣченнаго шпіонами, если только онъ хочетъ продолжать работать, нѣтъ никакого другого выхода, какъ или уѣхать въ другой городъ, или, что лучше всего, перейти на нелегальное положеніе. Послѣднее еще очень мало практикуется среди соціалдемократовъ. А между тѣмъ этотъ переходъ представляетъ огромныя выгоды для нашего движенія. Лишь онъ можетъ обезпечить намъ опытныхъ, отдающихъ себѣ ясный и сознательный отчетъ въ цѣляхъ и средствахъ соціалдемократическаго рабочаго движенія руководителей, отъ недостатка которыхъ такъ страдаетъ въ настоящее время рабочее дѣло въ Россіи. Комитеты чуть ли не каждый годъ переходятъ въ новыя руки кружковъ, лишь въ первый разъ приступающихъ къ дѣлу. Между тѣмъ есть много бывшихъ ссыльныхъ и поднадзорныхъ, какъ рабочихъ, такъ и интеллигентовъ, готовыхъ принимать участіе въ движеніи, обладающихъ опытомъ и много передумавшихъ о задачахъ партіи, но сознающихъ, что всякое ихъ вмѣшательство въ качествѣ легальныхъ лицъ, завѣдомо извѣстныхъ жандармамъ, лишь будетъ способствовать провалу организаціи, которой они хотѣли бы помочь. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тѣ небольшія средства, которыя понадобились бы для устройства „паспортныхъ столовъ“ и заботъ о содержаніи нелегальныхъ, окупились бы сторицею ихъ огромными услугами движенію, какъ наиболѣе опытныхъ и наиболѣе сознательныхъ членовъ партіи. Большой опытъ въ организаціи нелегальнаго проживательства накопленъ революціонерами 70-хъ годовъ, среди которыхъ нелегальный былъ обычнымъ явленіемъ, и этимъ опытомъ намъ необходимо воспользоваться... Однако мы уклонились въ сторону отъ нашего разсказа.

Мы остановились на томъ моментѣ, когда интеллигентъ „приводилъ“ шпіона къ рабочимъ. Тогда, какъ общее правило, приходила вторая бѣда. Такъ какъ на чтенія допускался съ перваго же разу всякій рабочій, котораго только удавалось привлечь одному изъ участвовавшихъ въ собраніяхъ рабочихъ, то жандармамъ нетрудно было, уже зная о наличности какихъ-то собраній привести на нихъ рабочаго—провокатора. Дѣло кончалось обыкновенно тѣмъ, что на одно изъ самыхъ многолюдныхъ собраній, являлась полиція и арестовывала всѣхъ. Если еврейской интеллигенціи, благодаря несовершенству организаціи въ Литвѣ шпіонства и выслѣживанія въ 90-хъ годахъ, удалось въ періодъ „пропаганды“ создать, хотя и чуждавшуюся массы, но все же на-

стоящую рабочую интеллигенцію, то въ Одессѣ, да и въ другихъ русскихъ городахъ наиболѣе сознательные рабочіе вылавливались и „изымались изъ обращенія“; а такъ какъ масса оставалась незатронутой, то рабочее дѣло казалось безнадежнымъ при томъ веденіи дѣла, какое мы описали выше.

Очевидно, нужна была перемѣна тактики. И весьма оригиналенъ и наивенъ тотъ способъ, которымъ упомянутая группа интеллигентовъ-соціалдемократовъ думала одновременно сблизиться съ рабочей массой и избѣжать обычнаго неконспиративнаго способа дѣятельности. Она предлагала интеллигенціи, желавшей приступить къ нелегальной дѣятельности среди рабочихъ, научиться какому-нибудь ремеслу, поступить на фабрику или заводъ и, живя одною жизнью съ массой, будить и толкать ее на путь протеста. Яснаго сознанія о той формѣ агитаціи на почвѣ непосредственныхъ и ближайшихъ нуждъ, которая впослѣдствіи оказалась такимъ могучимъ средствомъ подъема и развитія массоваго движенія, эта группа, приступая къ дѣлу, еще не имѣла, но ей казалась, что, слившись съ рабочей массой, интеллигентъ найдетъ пути и средства къ вовлеченію ея въ движеніе. Понятно также, что, порывая или, вѣрнѣе, лишь крайне конспиративно поддерживая сношенія съ интеллигентнымъ кружкомъ, такой интеллигентъ-рабочій долженъ былъ бы, по мнѣнію этой группы, въ огромной степени обезопасить рабочихъ отъ шпіоновъ, которыхъ обыкновенно невольно приводили съ собою интеллигенты-пропагандисты. Нѣсколько интеллигентовъ послѣдовали совѣтамъ группы. О дѣятельности одного изъ нихъ и будетъ ниже рѣчь *).

Благодаря прекрасной организаціи шпіонства и выслѣживанія, налаженной уже съ давнихъ поръ одесскимъ жандармскимъ управленіемъ, и столь же „прекрасному“ отсутствію хоть сколько-нибудь строгаго раздѣленія труда въ средѣ дѣйствующей революціонной интеллигенціи, облава начала 1894 года „изъяла изъ обращенія“ не только большинство интеллигентныхъ силъ соціалдемократическаго кружка Нахамкиса, Цыперовича и др., но и всѣхъ членовъ руководимыхъ ими рабочихъ кружковъ. Интеллигенту изъ описываемой нами группы приходилось начинать сызнова.

*) Въ настоящее время это своеобразное „хожденіе въ народъ“ совершенно излишне. Съ одной стороны, благодаря почти десятилѣтней дѣятельности русской соціалдемократіи въ рабочей средѣ уже образовалась относительно многочисленная рабочая интеллигенція, съ другой— интеллигентныя силы слишкомъ нужны для развитія и улучшенія нелегальной печати и созданія центральной организаціи — этихъ двухъ тѣсно связанныхъ одна съ другой и въ данный моментъ настоятельнѣйшихъ задачъ, стоящихъ передъ соціалдемократіей. Достаточно интеллигенту, дѣйствующему среди рабочихъ, порвать сношенія съ той „саморазвивающейся“ молодежью, которая обыкновенно вращается вокругъ всякой революціонной организаціи, и конспиративно сноситься съ другими членами комитета, чтобы избѣжать вышеописаннаго „занесенія“ интеллигентомъ шпіоновъ къ рабочимъ. Понятно, что это требуетъ въ свою очередь назначенія особаго интеллигента для руководства и сношеній съ „кружками саморазвитія“.

Познакомившись въ качествѣ рабочаго поближе съ нѣкоторыми рабочими и поговоривъ съ ними нѣсколько разъ на тему объ ихъ эксплуатаціи и несправедливостяхъ современнаго строя, этотъ интеллигентъ давалъ имъ изданія для рабочихъ группы „Освобожденія Труда“, рекомендовалъ самимъ прочесть и передать другимъ своимъ знакомымъ рабочимъ для чтенія. Въ томъ случаѣ, когда послѣдніе сочувственно относились къ прочитанной книжкѣ, онъ знакомился съ „новообращенными“, велъ съ ними рядъ устныхъ агитаціонныхъ бесѣдъ, опять давалъ вышеупомянутую нелегальную литературу и просилъ распространять дальше. Такимъ образомъ, каждый рабочій, едва только былъ затронутъ новыми идеями, становился на свой рискъ и страхъ агитаторомъ и распространителемъ нелегальной литературы. Спросъ на „книжку“ былъ очень великъ. Совмѣстныхъ чтеній и спеціальныхъ регулярныхъ собраній, подобныхъ описаннымъ выше, этотъ интеллигентъ сознательно избѣгалъ. Иногда только онъ созывалъ гдѣ-либо на загородномъ гуляньѣ или въ полѣ собранія наиболѣе ревностныхъ агитаторовъ и велъ съ ними бесѣды на тему объ экономической борьбѣ и кассахъ для стачекъ. И эта идея стачекъ и кассъ для нихъ была главнымъ содержаніемъ всѣхъ его и его знакомыхъ рабочихъ-агитаторовъ бесѣдъ со всѣми агитируемыми рабочими.

Въ результатѣ такой дѣятельности черезъ 3—4 мѣсяца получились большія знакомства на многихъ фабрикахъ и заводахъ, главнымъ образомъ среди рабочихъ въ типографіяхъ и на механическихъ заводахъ. Являлась необходимость какъ-нибудь организовать, соединить эти разрозненныя силы. Но какъ? Во всякомъ случаѣ не правильными чтеніями для соціалистическаго воспитанія рабочихъ. Стачечная касса, организованная-было изъ рабочихъ различныхъ профессій, влачила лишь жалкое существованіе по той именно причинѣ, что состояла изъ элементовъ, разнородныхъ для экономической борьбы. Да и чувствовалось, что при русскихъ условіяхъ стачка на основѣ стачечнаго фонда есть лишь одна фикція. Очевидно было, что, опираясь на наличныя сознательныя силы рабочихъ различныхъ профессій, надо обратиться ко всей фабрикѣ или заводу, на которыхъ работаютъ спропагандированные рабочіе. Агитаціонный духъ, которымъ была проникнута описываемая нами группа интеллигентовъ, самъ толкалъ на путь прокламацій съ призывомъ къ стачкѣ во имя непосредственныхъ и ближайшихъ нуждъ. Съ цѣлью опредѣленія послѣднихъ

уже была выработана программа собиранія свѣдѣній о положеніи рабочихъ на тѣхъ фабрикахъ и заводахъ, гдѣ были знакомства, но... тутъ вмѣшалась жандармерія. По дѣлу трактира „Россія“, о которомъ рѣчь будетъ ниже, вслѣдствіе предательства одного интеллигента были арестованы интеллигенты, принадлежавшіе къ описываемой нами группѣ, и дѣйствительный переходъ къ агитаціи нелегальной стачечной борьбы былъ осуществленъ слѣдовавшими за этой группой соціалдемократами.

Раньше, чѣмъ перейти къ дѣятельности другого интеллигента этой же группы, намъ хотѣлось бы сдѣлать нѣсколько объяснительныхъ замѣчаній по поводу предыдущаго изложенія. Хотя въ то время распространялись изданія группы „Освобожденія Труда“, которыя были исключительно посвящены выясненію общихъ основъ соціализма и необходимости борьбы съ абсолютизмомъ, несмотря на это, какъ мы уже упоминали, въ то же время предметомъ устной агитаціи и предполагавшихся прокламацій была такъ называемая экономическая борьба—стачки и кассы для нихъ. Болѣе того. Въ этой агитаціи стачечной борьбы и въ ея организаціи группа видѣла центръ тяжести своей дѣятельности, въ ея успѣшности — осуществленіе своихъ цѣлей и намѣреній. Задачи рабочаго класса въ борьбѣ съ абсолютизмомъ, сама эта борьба, не какъ отдаленная цѣль, а какъ непосредственно предлежащая разрѣшенію злоба дня, — не только не входили въ число намѣченныхъ вопросовъ практической дѣятельности, но даже какъ-то смутно рисовались въ далекихъ перспективахъ рабочаго движенія. Два обстоятельства были причиною преобладанія „экономики“ въ ближайшихъ цѣляхъ и задачахъ соціалдемократіи средины 90-хъ годовъ. Съ одной стороны — сосредоточеніе первыми соціалдемократами своей дѣятельности на выработкѣ изъ отдѣльныхъ рабочихъ единицъ соціалистовъ, вооруженныхъ всѣмъ научнымъ багажомъ марксизма и практически отчуждавшихся отъ темной сѣрой массы, породило, какъ реакцію, страстную жажду вовлечь въ движеніе самую эту массу. А агитація на почвѣ ближайшихъ, наиболѣе чувствуемыхъ массой экономическихъ нуждъ являлась, является и еще долгое время будетъ въ рукахъ соціалдемократіи могучимъ орудіемъ поднятія безсознательныхъ массъ. Этимъ переходомъ отъ „пропаганды“ къ „агитаціи на почвѣ экономики“ соціалдемократія сдѣлала громадный шагъ впередъ. Онъ обезпечивалъ ей не только пролетарскій характеръ ея движенія, но и живой, неизсякаемый источникъ борцовъ за лучшее будущее; онъ превращалъ ее изъ узкаго „сектантскаго“ и вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти интеллигентскаго движенія въ настоящее *рабочее* движеніе.

Но если „экономика“ заняла преобладающее, центральное мѣсто въ практической дѣятельности соціалдемократовъ средины 90-хъ годовъ, если она изъ орудія поднятія массъ сдѣлалась самодовлѣющею цѣлью, если рядомъ съ ней не шла широкая политическая агитація подъ соціалистическимъ знаменемъ, то причина этому лежала не только въ реакціи противъ кружковщины періода „пропаганды“. Тутъ вліяло и слабое *сознаніе* политическихъ задачъ, недостаточное пониманіе того, что рабочее движеніе никоимъ образомъ не можетъ умѣститься въ абсолютистическомъ государственномъ строѣ, непониманіе, въ основѣ своей коренившееся въ слабомъ *чувствѣ* политическаго гнета, въ нѣкоторомъ компромиссѣ, примиреніи съ абсолютизмомъ. Тяжелая реакція 80-хъ годовъ, несомнѣнно, бросала здѣсь свою мрачную тѣнь. Мы вспоминаемъ, какъ въ 1895 г. одинъ изъ руководящихъ членовъ еврейскаго движенія въ Литвѣ, имѣвшаго, какъ извѣстно, большое вліяніе на переходъ русскихъ соціалдемократическихъ кружковъ отъ „пропаганды“ къ „агитаціи“, наивно разрѣшалъ въ согласіи съ описываемой группой политическую проблему, не считаться съ которой всетаки невозможно было даже и въ то время „узко-экономическихъ“ задачъ. Онъ полагалъ, что правительство, знакомясь, какъ изъ общаго направленія соціалдемократической агитаціи, такъ и изъ тайныхъ уставовъ рабочихъ кассъ, составленныхъ въ чисто трэдъ-юніонистскомъ духѣ, съ ближайшими цѣлями движенія и увѣрившись въ ихъ исключительно экономическомъ характерѣ, въ концѣ концовъ дастъ рабочимъ свободу стачекъ. Самодержавіе, знающее лишь одинъ законъ — произволъ бюрократіи, казалось вполнѣ совмѣстимымъ съ коалиціонной свободой, которую, какъ слишкомъ убѣдительно показалъ западноевропейскій опытъ, можетъ обезпечить лишь политическая рабочая партія въ демократическомъ государствѣ, при общей свободѣ гражданской жизни. Ужъ не говоря о широкихъ задачахъ государственной и общинной политики, даже въ узкой сферѣ экономической борьбы первые „экономисты“ обнаруживали нѣкоторую боязливость политической мысли. И въ этомъ, намъ думается, сказывалось гнетущее вліяніе безпросвѣтной реакціи 80-хъ гг.

Отрицательное отношеніе описываемой группы къ исключительно кружковой пропагандѣ побудило другого интеллигента, заведшаго сношенія съ рабочими-евреями на одной табачной фабрикѣ, сразу придать своей дѣятельности широкій массовый характеръ. Съ одной стороны, благодаря болѣе культурной средѣ, съ другой—благодаря царившему на фабрикѣ недовольству пониженной расцѣнкой за тысячу папиросъ, дѣло было съ самаго начала поставлено такимъ образомъ, что рабочіе привлекались къ организаціи для стачки съ цѣлью возвращенія къ прежней расцѣнкѣ. Рабочіе очень живо откликнулись на призывъ, и стачка въ дѣйствительности состоялась, хотя уже подъ руководствомъ другого интеллигента.

Рядомъ съ агитаціей стачки шло и распространеніе нелегальныхъ изданій группы „Освобожденія Труда“, и нельзя не отмѣ-

тить той страстной жажды знанія, которую обнаруживали евреи-рабочіе. Они не только предъявляли большой спросъ на литературу, но и поражали глубиной своего пониманія, несмотря на то, что брошюры были писаны не на ихъ родномъ языкѣ.

Тотъ же интеллигентъ имѣлъ знакомства среди слесарей мелкихъ мастерскихъ. Но здѣсь вслѣдствіе разрозненности и мелкаго характера производства дѣло лишь начинало налаживаться, когда интеллигентъ былъ арестованъ. Къ тому же ему приходилось бороться съ агитаціей одного очень развитого рабочаго среди тѣхъ же слесарей, проповѣдовавшаго устройство легальнаго общества взаимнаго вспоможенія и отговаривавшаго рабочихъ отъ участія въ нелегальной организаціи. Трудно сказать, что группа оказалась на высотѣ задачи въ этой борьбѣ. Слабость ея соціалистическаго и политическаго сознанія рядомъ съ подавляющимъ преобладаніемъ въ ея агитаціи организаціи стачечныхъ кассъ дѣлало возможнымъ для этого интеллигента лишь одинъ отвѣтъ: уставъ общества, состоящаго только изъ рабочихъ, хотя бы и для цѣлей взаимнаго вспоможенія, но со скрытой цѣлью помощи на случай стачки, не можетъ быть утвержденъ правительствомъ. Характерно, что, когда слесаря, о которыхъ идетъ рѣчь, были впослѣдствіи (въ началѣ 1896 года) арестованы и въ числѣ ихъ былъ взятъ и упомянутый нами рабочій, онъ, по совѣту жандармовъ, написалъ записку въ министерство съ изложеніемъ своихъ взглядовъ, и жандармы обѣщали ему всяческое содѣйствіе въ томъ, чтобы добиться разрѣшенія рабочимъ устраивать взаимно-вспомогательныя общества.

Въ описываемые нами 1894 и 95 гг. необходимо отмѣтить еще два рабочихъ кружка: одинъ велъ пропаганду среди артелей каменщиковъ и плотниковъ, другой состоялъ изъ учениковъ ремесленнаго училища „Трудъ“.

Въ первомъ интеллигенціей не велась никакая систематическая пропаганда или агитація. Имѣя нѣсколько знакомыхъ, довольно выдающихся по своему умственному развитію каменщиковъ и плотниковъ, интеллигенція ограничивалась снабженіемъ ихъ нелегальной литературой. Послѣдніе обыкновенно ее вслухъ прочитывали всей артели или распространяли среди грамотныхъ своихъ товарищей по профессіи, собиравшихся въ трактирѣ „Россія“, гдѣ и были выслѣжены всѣ хоть сколько-нибудь прикосновенные къ дѣлу рабочіе. Масса слушателей состояла, главнымъ образомъ, изъ темной деревенщины, еще тѣсно связанной съ интересами деревни; большинство оставило въ деревнѣ семьи и на зиму уходило на родину. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что изданія „Гр. Осв. Тр.“ совершенно не подходили ни къ умственному уровню, ни даже къ жизненнымъ интересамъ рабочихъ. За то, наоборотъ, первые два номера выходившей въ 94—95 гг. газеты „Русскій Рабочій“, несмотря на искусственный

якобы народный языкъ, расплывчатость изложенія и отсутствіе какой-либо руководящей точки зрѣнія, пользовались громаднымъ успѣхомъ, только благодаря тому, что въ нихъ поднимались вопросы о землѣ и податяхъ. Достаточно было видѣть, какъ загорались у слушателей глаза при одномъ намекѣ на несправедливость обезземеленія, совершеннаго реформой 61 г., какъ при упоминаніи о тягостяхъ податного бремени раздавались одобрительные крики: „вотъ оно самое и есть“, чтобы понять, какъ настоятельно необходима агитаціонная литература, спеціально приспособленная къ умственному уровню и жизненнымъ интересамъ крестьянства, широкая агитація на почвѣ политическаго безправія крестьянства. Разработанная въ соціалдемократическомъ духѣ аграрная программа могла бы хоть немного подкопать надежную опору самодержавія: невѣжественное крестьянство.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о кружкѣ учениковъ училища „Трудъ“. Такъ какъ соц.-демократы имѣли здѣсь дѣло съ интеллигентными юношами, готовившимися зарабатывать себѣ средства къ жизни работой на фабрикахъ въ качествѣ слесарей, токарей, столяровъ, то дѣло было сразу поставлено ва почву „пропаганды“. Велись систематическія чтенія подъ руководствомъ интеллигенціи. Читались изданія „Библіотеки Научнаго Соціализма“, сочиненія Лассаля, Бельтовъ, Струве; однимъ словомъ, готовили соціалдемократовъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы въ щитъ и панцырь научнаго соціализма. И работа не пропала даромъ. Почти всѣ члены этого кружка, работая впослѣдствіи на фабрикахъ и заводахъ, сдѣлались дѣятельными агитаторами въ рабочей средѣ, и не одинъ изъ нихъ уже томится въ снѣжныхъ равнинахъ Сибири.

Всѣми вышеописанными кружками и организаціями исчерпывается, насколько намъ извѣстно, соціалдемократичекое движеніе въ Одессѣ за 1894 и 95 годы.

II

Движеніе среди еврейскихъ рабочихъ въ концѣ 1895 и въ началѣ 1896 г.

Массовое агитаціонное движеніе на почвѣ ближайшихъ экономическихъ требованій только еще начиналось, по крайней мѣрѣ, среди еврейскихъ рабочихъ. Оно выразилось въ довольно крупной для Одессы стачкѣ рабочихъ папиросныхъ фабрикъ. Объ этой стачкѣ нѣсколько словъ ниже.

Что касается пропаганды, то вначалѣ дѣло ограничивалось распространеніемъ черезъ отдѣльныхъ распропагандированныхъ рабочихъ нелегальной литературы, которой, замѣтимъ, было тогда въ Одессѣ крайне мало. Затѣмъ эти отдѣльные рабочіе отбирали постепенно изъ своихъ товарищей наиболѣе подходящихъ лицъ, изъ которыхъ и составлялись пропагандистскіе кружки.

Среди евреевъ папиросниковъ имѣлся только одинъ въ соціалистическомъ смыслѣ довольно развитой и сознательный рабочій съ практической агитаціонной жилкой. Я говорю—въ соціалистическомъ смыслѣ, такъ какъ было еще нѣсколько рабочихъ, которые по общему своему развитію стояли, можетъ быть, выше упомянутаго агитатора, но умственныя влеченія ихъ направлены были въ другую сторону. Одинъ изъ нихъ, человѣкъ семейный и пожилой, былъ страстный дарвинистъ и, несмотря на свою крайнюю бѣдность, почти граничившую съ нищетой, урѣзывалъ изъ своего бюджета пятаки, на которые покупалъ на толкучемъ рынкѣ книжки по естествознанію. Спокойный и, повидимому, равнодушный слушатель, когда излагались соціалистическія идеи, онъ совершенно преобразовывался, когда по тому или иному поводу приходилось коснуться какого-нибудь естественно-научнаго вопроса. Тутъ онъ уже не въ состояніи бывалъ оставаться нѣмымъ слушателемъ. Онъ завязывалъ споръ, развивалъ своимъ товарищамъ затронутый вопросъ, обнаруживая при этомъ большую начитанность, и готовъ былъ безъ конца говорить на эту тему.

Къ концу 1895 г. среди евреевъ папиросниковъ существовало два пропагандистскихъ кружка—оба почти исключительно изъ семейныхъ рабочихъ, и притомъ наилучше оплачиваемыхъ, работавшихъ высшіе сорта папиросъ. Въ одномъ, состоявшемъ изъ болѣе развитыхъ рабочихъ, было 5 человѣкъ, въ другомъ, такъ сказать, начинающемъ—3. Занятія велись два раза или разъ въ недѣлю, по вечерамъ съ 8 часовъ. За недостаткомъ подходящей нелегальной литературы приходилось въ большинствѣ случаевъ вести устныя бесѣды—впрочемъ, не по какой-либо заранѣе выработанной системѣ, а поскольку рабочіе наталкивались на тѣ или иные вопросы совмѣстнымъ чтеніемъ какой-нибудь нелегальной книжки. На этихъ собраніяхъ дѣло не ограничивалось пропагандой теоретическихъ взглядовъ. Затрагивались и практическіе вопросы—и съ этого собственно всякое собраніе начиналось—вопросы объ условіяхъ труда въ папиросной и табачной отрасли, сообщалось о томъ, что произошло на папиросныхъ фабрикахъ за послѣднюю недѣлю, причемъ это нерѣдко вело къ очень горячимъ спорамъ—правильно ли ,молъ, поступилъ тотъ или иной рабочій, какъ слѣдуетъ въ будущемъ въ подобныхъ случаяхъ держаться и т. д. Рабочіе-практики готовы были весь вечеръ говорить объ этихъ животрепещущихъ вопросахъ дня, но товарищи ихъ, болѣе склонные къ теоріи, обыкновенно старались какъ можно скорѣе покончить съ вопросами дня.— Несмотря на то, что почти всѣ рабочіе этихъ кружковъ по своимъ заработкамъ принадлежали къ „аристократіи“ папиросниковъ, эта „аристократія“ едва сводила концы съ концами, и многіе прямо-таки голодали бы, если бы ихъ жены со своей стороны не зарабатывали отчасти работой же на фабрикѣ, отчасти мелкой торговлей. Неудивительно, что многіе рабочіе искали для пополненія своихъ бюджетовъ частной работы (набивки папиросъ), которую они производили вечеромъ, по возвращеніи съ фабрики, у себя на дому. И на кружковыхъ собраніяхъ нѣкоторые рабочіе, слушая чтеніе или бесѣду, въ то же время выполняли эти частные заказы.

Была еще попытка образовать кружокъ изъ молодыхъ рабочихъ, служившихъ отчасти помощниками у старшихъ рабочихъ. Состоялось даже одно чтеніе легальной книжки, но далѣе дѣло не пошло.

Что касается практической стороны собственно рабочаго движенія, то приходится отмѣтить стачку папиросниковъ, охватившую большинство одесскихъ фабрикъ, причемъ участіе въ ней приняли отчасти и христіане, которыхъ, впрочемъ, въ этой отрасли очень мало. Стачка подготовлялась долго. Была образована касса почти исключительно для предстоящаго столкновенія съ хозяевами (пособіе выдавалось лишь въ случаѣ крайней нужды), и къ моменту возникновенія стачки въ кассѣ было около 150 руб. Хотя для того, чтобы фабрики стали, достаточно было, чтобы бро-

сили работу только рабочіе, приготовлявшіе высшіе и отчасти средніе сорта папиросъ, однако устроить стачку удалось съ большимъ лишь трудомъ. Приходилось имѣть дѣло почти только съ семейными, пожилыми рабочими, которые въ этомъ отношеніи были довольно туги на подъемъ. Состоялось нѣсколько предварительныхъ собраній, на которыхъ разбирался вопросъ о требованіяхъ, а главное о томъ, къ какому времени уменьшится имѣвшійся у фабрикантовъ запасъ папиросъ настолько, чтобы стачка могла разсчитывать на успѣхъ, продолжаясь недѣлю. Наиболѣе удобнымъ моментомъ признали январь 1896 г., когда и началась стачка, выставившая требованіе увеличенія заработной платы. Въ цѣляхъ экономіи кассовыхъ денегъ, а главное, чтобы подбадривать нерѣшительныхъ устроены были групповые обѣды; рабочіе распредѣлены были такъ, что въ каждой обѣденной группѣ имѣлись и упорные, крѣпко стоявшіе за стачку рабочіе, и рабочіе нерѣшительные, которые послѣ первыхъ же дней готовы были отказаться отъ своихъ требованій. Благодаря этому воздѣйствію сильныхъ на слабыхъ и вообще частымъ встрѣчамъ рабочихъ между собой, стачка и могла продолжаться такъ долго. Она прекращена была внезапнымъ арестомъ многихъ стачечниковъ въ февралѣ 1896 г. Было ли это результатомъ доноса со стороны фабрикантовъ, или аресты эти стояли въ какой-либо связи съ арестами, имѣвшими мѣсто въ концѣ января и началѣ февраля, или, наконецъ, среди самихъ стачечниковъ нашелся предатель,—мнѣ неизвѣстно. Арестованныхъ продержали нѣсколько мѣсяцевъ въ предварительномъ заключеніи, а по приговору одни получили по нѣскольку мѣсяцевъ тюрьмы, другіе высланы на срокъ изъ Одессы. Одинъ изъ стачечниковъ, по фамиліи Фурманъ, сошелъ съ ума въ тюрьмѣ и все-таки не былъ выпущенъ, а содержался въ больницѣ.

Къ тому же году (1895) относится начало движенія среди евреевъ маляровъ. Кружковъ среди нихъ въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, не было. Одинъ распропагандированный, хотя и мало развитой, рабочій распространялъ въ ихъ средѣ книжки, отчасти легальныя, отчасти нелегальныя. Своеобразное положеніе этой отрасли совершенно не благопріятствовало возникновенію стачечнаго движенія. Здѣсь нѣтъ собственно предпринимателей въ фабричномъ смыслѣ этого слова. Мѣсто ихъ занимаютъ подрядчики, посредники, снимающіе подрядъ у домо или квартирохозяина и нанимающіе въ каждомъ частномъ случаѣ нужное количество рабочихъ. Значительный процентъ этихъ подрядчиковъ —это бывшіе незадолго передъ тѣмъ рабочіе-маляры, которымъ удалось скопить нѣсколько десятковъ рублей, нужныхъ на покупку матеріала и уплату нанятымъ рабочимъ. Вполнѣ естественно, что у маляровъ постепенно зрѣла мысль о необходимости какимъ-

либо образомъ избавиться отъ этихъ посредниковъ. Какъ разъ къ тому времени началъ свою дѣятельность на югѣ извѣстный артельныхъ дѣлъ мастеръ Левитскій. Слышали ли маляры о Левитскомъ, или они дошли самостоятельно до идеи объ ассоціаціи,—но увлеклись они ею такъ, что видѣли въ производительной артели панацею отъ всѣхъ золъ. Это увлеченіе тѣмъ болѣе понятно, что маляры въ массѣ были люди малоразвитые. Какъ бы то ни было, но мысль объ устройствѣ артели имѣла среди маляровъ громадный успѣхъ. Состоялось нѣсколько собраній, на которыхъ участвовало до 20 человѣкъ (какъ семейныхъ, такъ и холостыхъ), и на этихъ собраніяхъ былъ выработанъ уставъ будущей артели. Никакого участія въ этомъ Левитскій не принималъ, и маляры къ нему тогда не обращались. Согласно уставу, маляры основываютъ кассу, которая путемъ членскихъ взносовъ накопляетъ необходимый для взятія подрядовъ фондъ, послѣ чего собственно и начинается дѣятельность артели. Члены выбираютъ комитетъ, который и беретъ заказы, раздавая работу членамъ въ опредѣленной очереди. Плата выдается поденная, какая получалась и ранѣе отъ подрядчиковъ; изъ прибыли же извѣстный процентъ оставляется въ кассѣ для помощи въ случаяхъ болѣзни, безработицы, смерти и т. д.; затѣмъ опредѣленный процентъ отчисляется въ основной капиталъ артели, а остальное распредѣляется по полугодіямъ или чаще между членами кассы. Надо замѣтить, что щекотливые вопросы въ родѣ того, одинаковая ли плата будетъ даваться всѣмъ членамъ, будетъ ли распредѣляться прибыль поровну, — собраніе оставляло открытыми, ссылаясь на то, что практика, молъ, укажетъ, какъ поступать. Далѣе выработки устава малярамъ не удалось тогда пойти: февральскіе аресты коснулись и ихъ; у нѣкоторыхъ были сдѣланы обыски; арестованъ однако никто не былъ.

Остается еще упомянуть о движеніи среди евреевъ слесарей. Въ началѣ 1896 г. дѣло еще только налаживалось; нѣсколько распропагандированныхъ рабочихъ вели агитацію, раздавали книжки и т. д. Кружковыхъ занятій еще не было. Въ мартѣ, кажется, были среди нихъ аресты; одинъ изъ нихъ былъ приговоренъ къ 6 или 8 мѣсяцамъ Креста.

III

Забытый кружокъ на Хаджибеѣ.

„Забытый кружокъ на Хаджибеѣ“—такъ именовали себя 10-15 рабочихъ, оставшихся послѣ осеннихъ и зимнихъ арестовъ 1895 г., безъ „интеллигента“, безъ литературы и—главное—почти безъ всякихъ связей. Нѣсколько нелегальныхъ брошюрокъ, въ родѣ „Хитрой механики“, „Въ защиту правды“ и немногихъ другихъ, были читаны и перечитаны уже не разъ; притокъ новыхъ и болѣе пригодныхъ для пропаганды среди незатронутыхъ еще рабочихъ книжекъ совсѣмъ прекратился. Рабочіе, входившіе въ составъ „забытаго кружка“, принадлежали къ разнымъ ремесламъ, и единственной связью между ними служила касса взаимопомощи. Дѣятельность пропагандистская — не говоря уже объ агитаціонной—по указаннымъ выше причинамъ, совершенно прекратилась.

Въ теченіе 1894-5 гг. въ Одессѣ циркулировалъ рукописный „Уставъ кассы“, очевидно, мѣстнаго происхожденія. Въ сущности онъ представлялъ собою копію съ обычныхъ уставовъ легальныхъ кассъ взаимопомощи, съ легкимъ налетомъ нелегальности, въ видѣ выдѣленія извѣстной части кассовой наличности на случай возможныхъ стачекъ. Онъ былъ разсчитанъ на рабочихъ и ремесленниковъ одесскаго градоначальства, и *самъ по себѣ* никакого ни пропагандистскаго, ни тѣмъ болѣе агитаціоннаго значенія не имѣлъ. На основаніи этого-то устава и функціонировала касса нашихъ „забытыхъ“ рабочихъ. Какъ и всякій зародышъ, очутившійся въ неблагопріятныхъ для своего развитія условіяхъ, нашъ кружокъ сталъ мало по малу хирѣть и вырождаться: члены его, хотя и составляли „тайное сообщество“, подлежащее, на основаніи россійскихъ законовъ, немедленному истребленію, но были въ сущности весьма скромными участниками не менѣе скромной по размѣрамъ кассы взаимопомощи, если не считать „преступнымъ“ совмѣстное выписываніе газеты и книжекъ „Недѣли“. Въ наименованіи кружка „забытымъ“ заключалось, какъ видите, немало горькой правды и иронiи.

Петербургскія стачки лѣтомъ 1896 г. громкимъ эхомъ прокатились по всей Россіи. Въ отголоскѣ этихъ необычайныхъ для Россіи стачекъ изощренное ухо истомившагося русскаго революціонера уловило какія-то особыя, необыкновенно бодрящія нотки. Сердце русскаго революціонера учащенно забилось. „Значитъ,—говорилъ онъ себѣ,—есть сила, опираясь на которую, можно рискнуть на борьбу съ этимъ дикимъ варварскимъ режимомъ“,— и съ удвоенной энергіей брался за кропотливую, незамѣтную работу —пропаганду среди рабочихъ. Въ плодотворности этой работы онъ болѣе не сомнѣвался.

Лѣтомъ этого же года въ Одессѣ циркулировала гектографированная прокламація, предлагавшая интеллигенціи нелегальную литературу и приглашавшая ее къ денежнымъ взносамъ. За подписью „Литературный Комитетъ“ прокламація эта указывала на „быстрый ростъ рабочаго движенія и связаннаго съ нимъ классоваго самосознанія“, дѣлала перечень наиболѣе громкихъ стачекъ 1895-6 гг. и приглашала интеллигенцію слѣдить за рабочимъ движеніемъ и помогать ему, какъ единственной могучей силѣ, о которую раньше или позже непремѣнно разобьется „братски нѣжный союзъ Колупаева и Держиморды.“

Одна изъ этихъ прокламацій дошла до нашихъ забытыхъ рабочихъ. „Забытый кружокъ на Хаджибеѣ“ внесъ свою лепту и попросилъ себѣ литературы. А на послѣднюю лѣтомъ 1896 г. былъ такой урожай, какого Одесса никогда раньше не знавала. Тутъ были какъ почти всѣ прежнія, такъ и всѣ послѣднія изданія „Группы Осв. Труда“, нѣкоторыя изданія „Вольной Русск. Прессы“ и петербургской „Группы Народовольцевъ“. Забытые рабочіе зашевелились; стали наклевываться и новыя связи, и съ начала осени нашъ кружокъ сталъ развивать болѣе энергичную пропагандистскую и, отчасти, агитаціонную дѣятельность. Дѣло началось съ реорганизаціи кассы на совершенно новыхъ началахъ.

Въ числѣ полученной забытымъ кружкомъ литературы имѣлся также „Уставъ кассы“, изготовленный, если память мнѣ не измѣняетъ, на пишущей машинѣ. Онъ былъ у насъ извѣстенъ почему-то подъ именемъ „кіевскаго“ и заключалъ въ себѣ 9 параграфовъ, причемъ каждый параграфъ сопровождался сжатымъ, весьма толково изложеннымъ объясненіемъ. Согласно этому уставу, касса являлась прежде всего и главнымъ образомъ кассой революціонной борьбы; извѣстная часть удѣлялась также на легальную литературу и взаимопомощь, причемъ, конечно, каждая мѣстная организація могла, сообразуясь съ данными условіями, предназначать для той или иной цѣли ту или иную часть своихъ сборовъ. „Группа Осв. Тр.“ почему-то не нашла возможнымъ напечатать этотъ уставъ, а это очень жаль: у насъ, по крайней мѣрѣ, этотъ уставъ не только сыгралъ существенную роль въ дѣлѣ реорганизаціи нашего кружка, но оказался впослѣдствіи од-

ной изъ лучшихъ, если не самой лучшей агитаціонной брошюрой, особенно въ смыслѣ привлеченія новыхъ членовъ, о чемъ рѣчь ниже.

О самой реорганизаціи кружка и его дальнѣйшей дѣятельности я буду разсказывать со словъ одного изъ его участниковъ.

„Былъ мягкій, но темный осенній вечеръ,—разсказывалъ мнѣ этотъ участникъ.—Я, нарочно дѣлая большіе крюки, пробирался по сравнительно безлюднымъ и хуже освѣщеннымъ улицамъ, зорко оглядываясь по всѣмъ направленіямъ. Легко сказать! Я шелъ вѣдь „потрясать основы“, или—выражаясь менѣе высокимъ стилемъ—выслушать, а, быть можетъ, и сказать слово правды, при закрытыхъ ставняхъ и дверяхъ, въ тѣсномъ кругу такихъ же, какъ я, „злоумышленниковъ-подстрекателей“. Я имѣлъ поэтому всѣ основанія желать не быть замѣченнымъ тѣми потерявшими всякій человѣческій обликъ темными личностями, которыхъ жандармы выразительно называютъ „нашими людьми“. Наконецъ, я дошелъ до назначеннаго мѣста. Внимательно оглянувшись въ послѣдній разъ, я вошелъ въ ворота и вскорѣ очутился въ небольшой, чисто прибранной комнатѣ, гдѣ уже засталъ нѣсколькихъ членовъ нашего кружка, одѣтыхъ по-праздничному: день былъ воскресный. Перекинувшись нѣсколькими словами о томъ-о семъ, мы вскорѣ приступили къ дѣлу. За ситцевымъ занавѣсомъ, раздѣлявшимъ комнату на двѣ части, появился свѣтъ и послышалось легкое шуршаніе бумаги. Водворилась почти торжественная тишина. „Поступило отъ номера перваго....отъ номера второго.... —раздавался изъ-за занавѣса пріятный тенорокъ;—выдано заимообразно номеру такому-то“... „Такъ! Такъ!“—подтверждалъ вооружившійся какой-то бумажкой съ іероглифами кассиръ, остававшійся среди насъ въ большей половинѣ комнаты. Это чтеніе отчета кассы было не лишено своеобразной оригинальности, особенно если прибавить къ этому тщательно закрытыя двери и ставни, стражу у входныхъ дверей и запасной боковой выходъ—„на всякій случай“.

Чтеніе „кіевскаго“ устава кассы, къ которому вслѣдъ за тѣмъ приступили, произвело на всѣхъ очень хорошее впечатлѣніе. „Правильно! Справедливо!“—слышалось со всѣхъ сторонъ, когда стали разбирать отдѣльные параграфы. И тутъ же, послѣ недолгихъ преній, былъ выработанъ слѣдующій планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Присутствующіе образуютъ центральный кружокъ. Члены его—представители разныхъ ремеслъ—агитируютъ каждый на своей фабрикѣ или въ своей мастерской. Какъ только удастся привлечь 4 товарищей по ремеслу, они образуютъ свою особую профессіональную кассу. Центральный кружокъ завѣдуетъ выпиской и раздачей, черезъ своихъ членовъ, нелегальной, а также легальной литературы, изданіемъ листковъ; сносится съ могущими образоваться помимо него рабочими кружками и другими городами. Касса взаимопомощи преобразуется въ центральную, членами которой состоятъ всѣ члены центральнаго кружка. Кассы профессіональныя также вносятъ въ центральную извѣстную часть своихъ сборовъ черезъ тѣхъ своихъ членовъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ состоятъ членами центральнаго кружка. Наиболѣе выдающіеся участники профессіональныхъ кассъ привлекаются къ участію въ дѣлахъ центральнаго кружка. Одна профессіональная касса—сапожниковъ—выдѣлилась сейчасъ же, а другая—столяровъ—была основана мѣсяца черезъ полтора. Основаніе ея было торжественно отпраздновано на тайномъ, конечно, собраніи за городомъ. Это было 20 октября—день смерти Александра III и освященія перваго, кажется, въ Одессѣ „Работнаго Дома“, выстроеннаго на одной изъ тѣхъ улицъ, по которымъ лежала дорога къ мѣсту сходки. Приличныя случаю темы сами, такъ сказать, напрашивались. Работный Домъ былъ тутъ же переименованъ въ „вольную тюрьму“.

Успѣху агитаціи среди столяровъ способствовало еще слѣдующее обстоятельство. Мысль объ учрежденіи профессіональной кассы взаимопомощи давно уже зародилась среди столяровъ. Въ 1894 или 95 г.—точно не помню—депутація отъ послѣднихъ обратилась къ фабричному инспектору съ просьбой содѣйствовать осуществленію этой мысли. Инспекторъ съ проектомъ кассы согласился, но поставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы во главѣ ея стояли хозяева—предприниматели. Отъ такого способа осуществленія своей мысли рабочіе категорически отказались.

Число участниковъ профессіональной кассы столяровъ сравнительно быстро выростало; въ составъ ихъ входили представители почти всѣхъ одесскихъ столярныхъ фабрикъ и крупныхъ мастерскихъ. Возросталъ и спросъ на кіевскій уставъ кассы, а такъ какъ онъ былъ у насъ въ единственномъ числѣ, то мы его вскорѣ отгектографировали въ нѣсколькихъ десяткахъ экземпляровъ. Возросталъ и спросъ на нелегальную литературу вообще.

Я уже говорилъ, что у насъ имѣлись почти всѣ прежнія и всѣ послѣднія изданія „Группы Осв. Тр.“: „Рабочій день“, „Кто чѣмъ живетъ“, „Что долженъ знать и помнить“, только-что появившійся „Работникъ“ и т. д. Всѣ эти брошюрки читались, конечно, но нерѣдко слышались и жалобы на ихъ неудовлетворительность, хотя ясно и не формулировалось, чему именно не удовлетворяютъ эти брошюрки. Я говорю о рабочихъ, пріобрѣвшихъ уже нѣкоторый навыкъ къ книжкѣ вообще и къ нелегальной въ частности. На основаніи своихъ, быть можетъ, не вполнѣ достаточныхъ наблюденій, я долженъ сказать, что причина неудовлетворительности этихъ брошюрокъ заключалась — и, увы, заключается—въ ихъ *чрезмѣрной схематичности* и *односторонности*. За двумятремя, и то врядъ ли удачными, исключеніями, всѣ эти изданія занимаются популяризаціей научной политической экономіи,

разъясненіемъ рабочему его положенія, т. е. того, что ему столь знакомо, что ему столь надоѣдаетъ и надоѣло, что онъ въ видѣ докучныхъ мелочей повседневной жизни переноситъ на своей собственной шкурѣ. Аппелируя такимъ образомъ къ уму, къ логикѣ рабочаго, эти брошюрки оставляютъ совершенно незанятымъ его сердце, его душу, которая—худо ли, хорошо ли это—всегда порывается подняться выше этихъ досадныхъ мелочей... Я предвижу возраженія иныхъ практиковъ: „А вотъ,—скажутъ они, — изъ такого-то города сообщаютъ, что рабочіе и посейчасъ спрашиваютъ именно тѣ брошюрки, о которыхъ вы говорите... Фактъ!...“ Такимъ не въ мѣру усерднымъ поклонникамъ „факта“ я долженъ замѣтить, что я и не думаю утверждать, будто всѣ эти изданія лишнія, ненужны,—нѣтъ, я только утверждаю, что ихъ однихъ *недостаточно*, что содержаніе ихъ односторонне. Странное дѣло! Популярная литература игнорировала и игнорируетъ какъ разъ то, что больше и легче всего поддается популяризаціи, — исторію революціонной борьбы на Западѣ и—что еще страннѣе!—въ Россіи; игнорируетъ какъ разъ то, что такъ много говоритъ и уму, и *сердцу* рабочаго.

Темная клика Побѣдоносцевыхъ отлично поняла, какія именно страницы изъ исторіи XIX вѣка ей необходимо вырвать. Это были наиболѣе блестящія, наиболѣе поучительныя страницы и именно поэтому наиболѣе этой кликѣ „неудобныя“. Казалось бы, возродившаяся „подпольная“ литература должна была, между прочимъ, позаботиться о возстановленіи этихъ страницъ. Вышло же нѣчто непонятное, даже невѣроятное. Мы—нечего грѣха таить—тоже убоялись... „кривотолкованій“ и, согласно нѣмецкой поговоркѣ, выплеснули ребенка вмѣстѣ съ ванной. Вмѣсто того, чтобы популяризировать исторію русскаго революціоннаго движенія со своей, соціалдемократической, точки зрѣнія, мы предпочли совершенно или почти совершенно замолчать ее. Мы боялись возрожденія культа „личнаго героизма“, мы боялись, какъ бы наиболѣе горячія головы распропагандированныхъ рабочихъ не сбились съ панталыки, не увлеклись терроромъ. И эта боязнь отразилась на характерѣ нашихъ изданій. Выходило, какъ будто эти изданія ставили себѣ утопическую задачу—уложить рабочее движеніе въ прокрустово ложе самыхъ общихъ схемъ и логическихъ выкладокъ.*) Но—„гони природу въ дверь—она влетитъ въ окно.“ Изъ своихъ личныхъ наблюденій я приведу слѣдую-

*) Крайнимъ, доведеннымъ до абсурда выраженіемъ этого своеобразнаго „утопизма“ является пропаганда всеобщей стачки, охватывающей весь трудящійся людъ, начиная квалифицированнымъ машинистомъ и кончая домашней прислугой и послѣднимъ поденщикомъ, причемъ вся эта „грозная армія“ должна сидѣть—къ вящей досадѣ одураченнаго Клейгельса—по квартирамъ. („Раб. Лист.“ № 2, ноябрь 1897 г. Изд. Петерб. Союза.)—Фактъ указываемый авторомъ, вѣренъ, но ссылка ошибочна: въ № 2 Раб. Листка ни слова нѣтъ о всеобщей стачкѣ. — *Ред*

щихъ два—тоже „факта“. Разъ на сходкѣ, по окончаніи дѣловой ея части, рабочіе за стаканомъ чаю занялись чтеніемъ вслухъ „Хитрой механики“. Тутъ было нѣсколько человѣкъ сравнительно недавно распропагандированныхъ, и всѣ одинаково внимательно слѣдили за чтеніемъ. Воодушевленіе росло и перешло въ настоящій восторгъ, когда чтецъ добрался—страшно вымолвить!—до самыхъ „опасныхъ“ рѣчей Степана о томъ, что все это „ядовитое зелье“—всѣхъ этихъ богачей, царей и ихъ пособниковъ—надо попросту вырѣзать...

Но эти же чтецы оказались способными понять и нѣчто другое. Напомню, что дѣло происходило въ срединѣ 90-хъ гг., когда мы были „убѣждены“, что съ рабочими нельзя говорить ни о соціализмѣ, ни о „политикѣ“. Напомню также, что рѣчь идетъ о рабочихъ далеко не „развитыхъ“ въ извѣстномъ смыслѣ этого слова, а просто привыкшихъ вообще къ книжкѣ. И вотъ одинъ изъ этихъ рабочихъ прочелъ „Эрфуртскую программу“ и дѣлился съ нами вынесеннымъ имъ изъ этого чтенія. Я увѣренъ, что, если онъ и понялъ политико-экономическую часть этой программы, то въ этомъ пониманіи было немало пробѣловъ. Зато онъ понялъ и *глубоко* понялъ идею классовой борьбы вообще и классовой борьбы пролетаріата въ частности. Онъ особенно останавливался на „челяди“ и ея отношеніи къ господствующимъ классамъ. „Вы понимаете ли господа, что такое—челядь?—говорилъ онъ намъ.—Вѣдь это значитъ, что наши эксплуататоры господствуютъ не только надъ нашимъ тѣломъ, но и надъ нашимъ умомъ, надъ нашей душой... Я только теперь понялъ, что это за великое дѣло—рабочее движеніе и классовое самосознаніе рабочихъ“.... Но я уклонился.

Виды нашего центральнаго кружка на новыя связи въ рабочей средѣ стали расширяться, и на одной изъ сходокъ въ послѣднихъ числахъ декабря рѣшено было издать прокламацію ко всѣмъ одесскимъ рабочимъ и работницамъ. За подписью „Южнорусскій Рабочій Союзъ“ эта прокламація была отгектографирована и распространена къ новому 1897 г.

Въ началѣ въ ней проводилась параллель между той роскошью и тѣмъ богатствомъ, съ какимъ встрѣчаютъ новый годъ классы господствующіе, и тою бѣдностью, а нерѣдко и нищетою, съ какимъ встрѣчаетъ новый годъ масса рабочаго народа. А извѣстно,—говорилось далѣе,—что всѣ богатства создаются тяжкимъ, непосильнымъ трудомъ того же рабочаго народа, трудомъ, сопряженнымъ съ постоянной опасностью для здоровья, а очень часто и для самой жизни трудящихся. Охранителемъ такого порядка вещей является царское правительство и его многочислен-

ные слуги. Сотни милліоновъ, выколачиваемыхъ изъ этого же рабочаго народа, идутъ на милліонную армію, на штыки и пули, направляемые противъ всякаго, кто вздумаетъ только пикнуть. Мало того. Солдатъ доставляетъ тотъ же рабочій народъ, и эти солдаты военной муштровкой доводятся до того, что безпрекословно, по первому приказу, стрѣляютъ въ своихъ же отцовъ, матерей, братьевъ и сестеръ. А возможно это потому, что то же царское правительство всѣми силами старается держать народъ въ темнотѣ и невѣжествѣ: тратя сотни милліоновъ народныхъ денегъ на штыки и пушки, оно на народное образованіе тратитъ какіе-то несчастные гроши. Гдѣ же выходъ? Выходъ,—отвѣчала прокламація,—одинъ: насилію господствующихъ классовъ и его правительства надо противопоставить сплоченную силу рабочихъ массъ. На Западѣ многіе рабочіе уже поняли это: ихъ объединенная армія внушаетъ однимъ невольное уваженіе, а другимъ затаенный страхъ. Это же долженъ понять и русскій рабочій. „Ибо —такъ заканчивалась прокламація—только въ единеніи наше спасеніе.“

Когда жандармамъ стали приносить отдѣльные экземпляры прокламаціи (она была разбросана), они пришли въ неистовство: это была, если не ошибаюсь, первая въ Одессѣ прокламація соціалдемократическаго содержанія, обращенная къ рабочимъ. Съ 7 января 1897 г. обыски и аресты посыпались, какъ изъ рога изобилія. Между прочимъ, были арестованы и многіе изъ рабочихъ, причастныхъ къ „забытому кружку“. Такимъ образомъ, дѣятельность его была прервана на первыхъ же шагахъ. Но на смѣну его не замедлили явиться новыя лица. И соц.-демократическая работа въ Одессѣ продолжается съ тѣхъ поръ безъ всякихъ перерывовъ.